

О Т З Ы В

на автореферат диссертации

Бережнова Дениса Алексеевича

«Принципы и формы изображения внутренней жизни в прозе В. Набокова», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Приводя в параграфе 4.2. «Проблема памяти в прозе Набокова» (дисс., с.146) «вавилонское слово» из романа «Дар» – «бриллиантоволуннолилитовосизолазоревогрогносапфиристосинелиловый», Д.А. Бережнов подчеркивает создание в прозе Набокова нового типа потока сознания, объединяющего мысль, слово, язык, впечатления и переживания, «единицы мышления и языка». Вместе с тем, это «сборное название триллиона тонов»¹ возникло из световой рекламы мюзик-холла, которая «взбегала по ступеням вертикально расположенных букв», несущих вавилонское слово к небесам. Если применить принцип обратной синестезии, подсказанный Набоковым в стихотворении «Слава»: «Признаюсь, хорошо зашифрована ночь, // но под звезды я буквы подставил»², по цветовому указателю идентифицируя, очевидно, латинскую букву *to*, не имеющий фонетических аналогов бриллиантовый и лунный свет перейдет в нечто «лилитовое», что вернет к прямой аналогии цвета и звука: вермишельное *l* или золотой/золотистый цвет/свет – как эпитет «Лилит» в одноименном стихотворении (1928) и постоянный эпитет, сопровождающий Лолиту; далее следует «сизо» – «пушисто-серая, трехстебельковая русская буква, заменяющая английское *sh*», а далее «лазоревогрогносапфиристосинелиловый», указывающий на все оттенки синего в звуко-цветовой палитре Набокова: «стальная *x*, грозовая туча *z* и черничная *k*»³, в русском варианте автобиографии «Другие берега»

¹ Набоков В.В. Русский период. Собр. соч. в 5 т. – С-Пб.: «Симпозиум», 2000. Т.4. Дар. – С. 188-545. – С.500.

² Набоков В.В. Русский период. Собр. соч. в 5 т. – С-Пб.: «Симпозиум», 2000. Т.5. 832 с. – С.422.

³ Набоков В.В. Американский период. Собр. соч. в 5 т. – С-Пб.: «Симпозиум», 1999. Т.5. Память, говори – С.314-597. – С. 338

последней буквой будет «блестяще-сиреневая З»⁴ (в русской палитре звуков получается набор сизо-синих оттенков шсцз). И z и з, вычитанные из световой рекламы, устремленной в небеса, будут указанием на имя Зины, на свидание с Зиной – «звезду» каждого вечера Федора (кроме увенчанного вавилонским словом *shxzk*, когда Федор отправился на собрание Общества Русских Литераторов в Германии). Первое видение Зины Мерц в романе «Дар» обозначено через «голубоватое газовое платье»⁵, и именно на Зину указывают оттенки синего в светящейся рекламе, устремленные в небеса, к звездам. Собственно приведенный пассаж призван показать, что единый поток творящего сознания Федора объединяет не только мысль и слово, впечатление и образ, звук и цвет, цвет и смысл, но и хронологически отдаленные события романа: осмотр квартиры у Щеголевых и встречу с замещающим Зину платьем (конец главы 2) и ежевечерние свидания с Зиной (глава 5). Объединение различных смыслов в потоке сознания, идентичном внутренней жизни протагониста романа «Дар» – Федора Годунова-Чердынцева наглядно демонстрирует стремление соискателя, учитывающего «фикциональную и эстетическую природу художественного произведения», установить структурное значение психологизма в организации прозы Набокова, определяемой соискателем как психологическая (дисс., с.4-5).

Необходимо подчеркнуть, что избирая предметом исследования «принципы и способы организации психологической прозы Набокова», Д.А. Бережнов интерпретирует понятия «принципы и способы» максимально широко, как структурную доминанту, определяющую не только план выражения, но и план формирования смысла произведения; при этом, обращаясь не только к собственно историко-литературному контексту – парадигме развития психологизма в литературе, рассмотренной как диахронически (от Шекспира до Достоевского и Толстого), так и синхронически (в контексте современной В.В. Набокову психологической прозы отечественных – А. Белого, Ф. Сологуба – и зарубежных М. Пруста, Дж. Джойса – писателей), но и философскому контексту – осмыслению

⁴ Набоков В.В. Русский период. Собр. соч. в 5 т. – С-Пб.: «Симпозиум», 2000. Т.5. Другие берега. – С.140-339. – С.158.

⁵ Набоков В.В. Русский период. Собр. соч. в 5 т. – С-Пб.: «Симпозиум», 2000. Т.4. Дар. – С.188-545. – С.326.

феномена психологизма в трудах Л.С. Выготского и особенно Анри Бергсона. В диссертационном исследовании Д.А. Бережнова, исходя из его теоретической базы и методологической основы – морфологического подхода, разработанного на основе синтеза формального метода и герменевтического подхода, объединяются два направления современного набоковедения: сравнительно-исторического изучения наследия Набокова в контексте развития мировой и отечественной художественной традиции (Б. Бойд, Д.Б. Джонсон, М.Д. Шраер, О. Сконечная, А. Арьев, Б. Аверин и др.) и феноменолого-герменевтического подхода к прочтению Набокова в аспекте единства гносеологии, онтологии и эстетики писателя (А. Пятигорский, В. Александров, О. Ронен, А. Бабинов и др.). Этим обстоятельством определяется *теоретическая значимость исследования*.

Объединение семиотического и эпистемологического методов исследования художественного произведения, идентифицируемого как психологическая проза, представляется перспективным для получения *достоверных результатов исследования*, поскольку субъективный феномен внутренней жизни протагониста в романе «Дар», справедливо признаваемом соискателем репрезентативным для определения генерализующего значения психологизма в прозе Набокова (дисс., с. 4), представлен в диссертации как структурно-смысловое единство.

Объединение двух фундаментальных подходов к исследованию набоковской прозы, равно как и двух ведущих направлений в набоковедении нашло отражение в постановке *цели* диссертационного исследования, направленной на определение лингвостилистических и эпистемологических особенностей формирования и выражения смысла психологической прозы Владимира Набокова (дисс., с.17).

Научная новизна диссертации определяется двумя факторами: во-первых, соискатель выстраивает непрерывную традицию развития психологической прозы, акцентируя внимание на переходе от приемов психологической прозы XIX века к открытиям психологизма XX века; во-вторых, соискатель адаптирует категорию длительности – основополагающую в философской системе Анри Бергсона – к

интерпретации структурных принципов организации набоковского текста (дисс., с. 6).

Актуальность исследования определяется не только репрезентативными для собственной идентичности высказываниями В.В. Набокова о психологизме своих произведений (дисс., с.3), приведенных соискателем, но и новой концепцией психологизма Набокова, выстраиваемой, с одной стороны, на основании освоения приемов классического психологизма литературы XIX века в набоковской прозе, с другой, на основании семиотического прочтения набоковского психологизма как структурно-смысловой доминанты произведения.

Диссертационному исследованию Д.А. Бережнова предпослано обширное *Введение*, в котором сформулированы объект и предмет исследования, его теоретическая база и методологические основания, установлены цель и задачи исследования (дисс., с.17), логика решения которых определяет структуру диссертации и последовательность исследования. Во *Введении* представлен терминологический аппарат диссертации и установлена синонимия понятий «внутренняя жизнь», «психология», «внутренняя сфера» в контексте философии А. Бергсона, определяющего понятие «внутренней жизни» как непрерывного потока, близкого к понятию «внутреннего времени» или «длительности». Уточняя значение философских категорий и понятий, соискатель проецирует их смысл на приемы художественного психологизма, подчеркивая их парадигматическое единство, не исключая при этом динамики и изменения художественно-смысловых функций основных приемов психологической прозы. Таким образом, *Введение* дает достаточно полное представление о содержании диссертации и направлении развития мысли соискателя от идентификации традиций психологической прозы и их интерпретации в произведениях Набокова до определения значения концепции длительности Анри Бергсона для понимания набоковского психологизма как выражения концепции темпоральности – ключевого для набоковских гносеологии и эстетики.

Рассуждения об эволюции психологической прозы в *первой главе* диссертации открываются весьма оригинально: приводится достаточно большой фрагмент рассказа А.П. Чехова «Учитель словесности», в котором представлены две точки зрения на психологизм: спорщицы Вари, которая считает, что психологизм должен описывать «изгибы человеческой души», и учителя Никитина, который приводит пример внешнего проявления внутренних переживаний (дисс., с.22). Соискатель резюмирует, что понятие литературного психологизма расплывчато, подчеркивая, что психологизм – феномен динамический, который следует изучать как «транс-парадигмальное движение» (дисс., с.23). При этом, соискатель солидаризуется с Л.Я. Гинзбург, считающей понятие психологической прозы шире понятия психологизм, который в парадигме развития реализма не мыслится вне морального содержания произведения. Соискатель формулирует определение психологической прозы, представляющей собой текст, организованный на основе психологической структуры. Анализируя динамику психологизма в отечественной литературе XIX века, соискатель подчеркивает, что путь развития приемов психологизма от романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» до романов Л.Н. Толстого был направлен на углубление нравственной рефлексии героя до микроскопических деталей самоанализа в прозе Л.Н. Толстого и преодоления понимания социально-исторической детерминированности поступков героя как единственно возможной. Анализ эволюции психологической прозы соискатель осуществляет в рамках морфологического подхода, направленного на то, чтобы «восстановить генеалогическую связь между системами психологической прозы XIX в. и XX в. и показать, как новые психологические тексты (в частности, тексты Набокова) продолжают прежние принципы психологической организации текста» (дисс., с.38-39). Соискатель выделяет признаки и параметры психологической прозы XIX в. (дисс., с.41), подчеркивая их динамику и тенденцию к смене положения с периферийного на магистральное в психологической прозе XX века.

Во второй главе «Трансформация психологической прозы Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в литературе XX вв.» соискатель в

первом параграфе анализирует эволюцию приемов психологической прозы «на основе структурного анализа романов Толстого, связующих литературные традиции XIX и XX веков» (дисс., с.46). Соискатель приходит к выводу, что именно психологизм определяет композицию романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», подчеркивая, что именно Л.Н. Толстой «создал предпосылки к автономному, интроспективному, «научнообразному» подходу к изучению душевных явлений в русской литературе» (дисс., с.51). Особое внимание соискатель уделяет, ориентируясь на труды В.В. Виноградова, анализу принципов устройства внутренней речи героев Толстого, как индивидуально-психологическому феномену, способствующему пониманию нравственных причин поступка героя. Соискатель приходит к выводу, что психологизму Толстого свойственен стихийный интуитивизм, который может быть описан в терминах концепции длительности А. Бергсона. Второй параграф «Набоков и Достоевский: о структуре параноидальной прозы» представляется наиболее спорным в диссертации Д.А. Бережнова, утверждающего, что Достоевский выступал родоначальником аутистического повествовательного принципа в русской литературе, понимаемого как «интериоризация художественного мира в сознание персонажа» (дисс., с.69). Ориентируясь преимущественно на исследования П. Тамми, который вводит в литературоведческий обиход термин параноидальный роман (Тамми П. Тени различий: «Бледный огонь» и «Маятник Фуко» // Новое литературное обозрение. 1995. № 19.– С.62-79. – С. 66) и О. Сконечной, соискатель экстраполирует признаки аутистического повествования на повести и романы Ф.М. Достоевского, показывая трансформацию реальности под влиянием измененного состояния сознания героя в сознании героя. Соискатель подчеркивает, что приемы психологизации гротескных форм безумия, расщепления сознания из арсенала психологизма Ф.М. Достоевского были адаптированы В.В. Набоковым к собственной психологической прозе: таким образом совершенно отчуждается от внешнего мира сознание Лужина, который воспринимает весь мир как бесконечную шахматную партию; так внешний мир, его предметный ряд выступает объектом вымысла протагониста.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют выводы ко второй главе исследования, в которых показаны изменения акцентов в адаптации приемов психологизма Толстого и Достоевского к психологической прозе отечественного и зарубежного модернизма, в первую очередь М. Пруста и В.В. Набокова.

Третья глава «Место и значение философии Анри Бергсона в психологической прозе первой трети XX в.» посвящена идентификации параметров новой психологической прозы и прозы В.В. Набокова, в частности, в контексте определения феномена внутренней жизни как выражения концепции длительности в философии Анри Бергсона. Характеризуя психологизм новой формации, Д.А. Бережнов подчеркивает: «прежний психологизм ориентировался на межличностные отношения, всегда предполагал коммуникацию между Я и Другим, был диалогичен в сущности, то новый психологизм сосредотачивается только на внутриличностных процессах, иногда игнорируя всякое влияние извне» (дисс., с. 92). Новый психологизм абстрагируется от поступка и тем самым от нравственно-мотивационной нагрузки, приобретает самоценность сам процесс переживания, осознания и выражения впечатления. Концепция длительности Бергсона, противопоставляющая внутреннее время внешнему, измеряемому в пространственных единицах, созвучна набоковским поискам чистого времени, времени без пространства⁶. Поиски выражения длительности, еще не осмысленной и не выраженной в слове, привели Набокова к созданию новой художественной системы и нового типа прозы. Д.А. Бережнов приводит примеры многоуровневого повествования, которое актуализирует несколько срезов сознания, обращаясь к фрагменту засыпания героя-протагониста, который демонстрирует протеизм сознания героя и его процессуальность. Не менее показателен анализ смещения фокусов восприятия и пространственно-временных локусов во фрагменте с зеркальным шкафом, опровергающем миметическую природу искусства. Особенно хотелось бы выделить параграф 3.2.2 «Поэзия и проза как

⁶ Набоков Владимир. «Ада, или Отрада. Семейная хроника. Перевел и составил комментарии Андрей Бабинов. – М.: АСТ, 2022. – 800 с. – С. 514.

отражение разных степеней интенсивности внутренней жизни», в котором переходы от прозаической речи к поэтической мотивированы степенью интенсивности внутренней жизни протагониста: когда Федор погружается в воспоминания или творит новый образ мира, прозаическая речь перетекает в поэтическую, однако при этом прозаическое слово сохраняет многозначность поэтического. «Проза Набокова преодолевает «внутреннюю речь» как квази-вербальную», – подчеркивает соискатель (дисс., с.130), сравнивая поиски Набокова со стремлением авторов «нового романа» запечатлеть переживание или впечатление до того, как оно приняло законченную вербальную форму. Соискатель подчеркивает, что предметом изображения в психологической прозе Набокова выступает «длительность как душевная темпоральность» (дисс., с.139).

В четвертой главе «Проблемы психологической прозы В. Набокова в свете философии Анри Бергсона» структура психологической прозы В.В. Набокова описывается как отражение философского феномена длительности путем применения специфических средств художественной выразительности: зеркального письма, материализации воспоминания, создания нового типа «потока сознания», отвечающего идее непрерывной длительности Бергсона. Особую ценность представляет параграф 4.1. *«Интерпретация «потока сознания» в терминах длительности: преодоление внутренней речи в романах Набокова»*, в котором предлагается типология приема потока сознания, как психологического приема, восходящего к прозе Л.Н. Толстого, и по-разному интерпретированному Дж. Джойсом и В. Набоковым. Включая определяющую набоковскую темпоральность концепцию памяти в контекст длительности как внутренней жизни героев-протагонистов Набокова, соискатель указывает на динамичный, недискретный, гомогенный и вневременной характер воспоминания в соответствии с идеями А. Бергсона, согласно которым: ««В действительности память – это вовсе не регрессивное движение от настоящего к прошлому, а наоборот, прогрессивное движение от прошлого к

настоящему»⁷. Вместе с тем, соискатель указывает на недостаточность вербальной выраженности длительности, обращаясь к разным аспектам синестезии в прозе Набокова. При этом соискатель выделяет два типа потока сознания: образный и предметный у Набокова и построенный на разных формах вербализации длительности у Джойса: от сплошной речи в «Улиссе» до создания новой формы языка в «Поминках по Финнегану».

Заключение диссертации содержит емкое обобщение основных положений и идей исследования. Таким образом, поставленная соискателем цель достигнута, а выдвинутые задачи решены.

Необходимо отметить широкую общую и литературоведческую эрудицию автора диссертации, системность мышления и точность типологических характеристик. Автор оперирует объемным теоретическим и художественным материалом, выстраивая его логически последовательно и делая емкие и содержательные выводы. Особо хотелось бы подчеркнуть внимание к слову Набокова, чуткость художественного и исследовательского слуха соискателя, например, развернутую фонетико-семантическую характеристику фразы: «Буш, свернув трагедию в толстую трубку, стоял в дальнем углу, и ему казалось, что в гуле голосов всё расходятся круги от только что слышанного» (дисс., с.153). Хотя исследовательское пространство диссертации ограничено психологической русскоязычной прозой Набокова, соискатель, учитывая удивительную целостность и философско-художественное единство мира Набокова, обращается к концептуально значимому метатексту романа «Ada or Ardor: A Family Chronicle», известному как «Текстура времени», к определению границ длительности через метафору Нитра и Индра из романа «Pale Fire»: «Nitra and Indra (meaning "inner" and "outer"), two black islets that seemed to address each other in cloaked parley». ⁸ Избирая роман «Дар» как наиболее репрезентативный для воплощения концепции длительности через приемы психологизма, соискатель, показывая разные аспекты набоковского психологизма как доминирующей структуры, обращается к романам «Машенька»,

⁷ Бергсон А. Собрание сочинений в 4 т – М.: Московский клуб, 1992. – Т. 1: Опыт о непосредственных данных сознания; Материя и память. 1992. С. 310.

⁸ Nabokov V. Pale Fire. <https://www.rulit.me/books/pale-fire-read-185081-26.html> (дата обращения 29.01.2024)

«Соглядатай», «Защита Лужина», «Отчаяние», рассказу «Облако, озеро, башня».

Автореферат диссертации «Принципы и формы изображения внутренней жизни в прозе В. Набокова» представляет собой законченную и самостоятельную научно-квалификационную работу, в которой содержится решение актуальных вопросов современного набоковедения, направленных на идентификацию типологической принадлежности прозы Владимира Набокова и его художественной философии. Автореферат Д.А. Бережнова – научная работа, имеющая значение для развития истории и теории литературы как отраслей современного литературоведения, и в полной мере отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода.

Таким образом, соискатель Бережнов Денис Алексеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Доктор филологических наук, доцент,
Профессор кафедры русской и мировой литературы
и технологий обучения

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный
педагогический институт»

Погребная Яна Всеволодовна

30.08.2024